

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228

УДК 2 (470. 312)

«КРАСНЫЕ ПОХОРОНЫ». НОВАЯ ПОХОРОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ В МОЛОДОЙ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Савин Андрей Иванович,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института истории СО РАН,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
ORCID: 0000-0002-0242-5067
a_savin_2004@mail.ru*

Тепляков Алексей Георгиевич,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института истории СО РАН,
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
ORCID: 0000-0003-2830-7939
teplyakov-alexey@rambler.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу формирования в 1920-е годы в Советской России ритуала так называемых «красных похорон» как важной составной части политической повседневности. В первой части статьи исследуются ритуалы похорон представителей большевистской элиты. Во второй части предпринята попытка охарактеризовать трансформацию похоронных обрядов в среде «простого» населения. Предпринятый анализ наглядно демонстрирует несомненный политический характер публичной похоронной обрядности в молодой Советской России. Первоначально советские похоронные ритуалы формировались под мощным воздействием радикального утилитаризма и тотального нигилистического отрицания религиозного мировоззрения, усиленных эксцессами мировой войны, революции и Гражданской войны. Тем не менее нигилизм и утилитаризм, высшим выражением которых являлась идея кремации, достаточно быстро были потеснены со своих позиций новым похоронным ритуалом, ключевыми элементами которого стала демонстрационность и «театральная обрядность» с ее музыкой, шествиями, пафосными речами и салютной стрельбой, во многом заимствованными у воинских похорон. Главную роль в складывании ритуала «красных похорон» сыграл культ «павших героев», в свою очередь, являвшийся залогом политического бессмертия большевистских деятелей. В результате «красные похороны» превратились в важный элемент альтернативной большевистской культуры. Тезис В.П. Булдакова, который охарактеризовал революционную похоронную обрядность как «неоязыче-

скую», является как минимум спорным. Попытка сделать похороны большевистских элит образцом для массовых похорон столкнулась с консервативной обрядностью, особенно в деревне. Применительно к 1920-м годам в лучшем случае можно говорить о возникновении своеобразного «эффекта двоеверия», специфического симбиоза «красных» и религиозных похоронных обрядов. Таким образом, в 1920-е годы процесс становления новой советской обрядности был далек от своего завершения, в том числе в среде советских партийно-государственных элит, о чем свидетельствуют колебания между партийной аскезой с ее утилитарным отношением к праху и пышными похоронами вождей.

Ключевые слова: смерть, «красные похороны», культ павших героев, Советская Россия, 1920-е годы, новая обрядность, кремация.

Библиографическое описание для цитирования:

Савин А.И., Теляков А.Г. «Красные похороны». Новая похоронная обрядность в молодой Советской России // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 3, ч. 1. – С. 205–228. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228.

*По-пролетарски жил, по-пролетарски умер
и кремирован согласно культурному прогрессу¹.*

В 1905 году французский антрополог Роберт Герц опубликовал книгу «Коллективные представления о смерти», одна из главных идей которой была сформулирована так: смерть человека не исчерпывается его превращением из живого в мертвого. В частности, Герц писал: «...если речь идет о человеке, смерть – это не один только физиологический феномен. К событию из области биологии примешивается сложный клубок верований, чувств и действий, которые придают ему особенный характер» [6, с. 43]. Добавим: в определенные периоды истории смерть перестает быть частным делом, превращаясь в публичные действия и ритуалы политического свойства.

Историография «советского Танатоса» находится в стадии становления, однако уже представлена рядом серьезных исследований. Среди них в первую очередь стоит назвать монографию британского историка Кэтрин Мерридаля, которая попыталась поместить «страдание и смерть» в России в XX веке в широкий исторический и культурный контекст [39]. Настоящим прорывом в исследовании темы стали публикации Светланы Малышевой, посвященные в том числе анализу советского некрологического дискурса и некросимволизму советской культуры, практикам обращения со смертью

¹ В эпитафии приводится лозунг Венского рабочего союза кремации. Социалистические союзы «вольнодумцев и кремации» были достаточно широко распространены также в Веймарской Германии. Эти союзы учреждали особые похоронные кассы, дававшие членам союзов возможность обеспечить себе погребение посредством сожжения тела в крематории [4, с. 349].

в Советской России [16, 17, 37, 38]. Блестящий анализ дискурса, посвященного похоронам В.И. Ленина, проделал В.П. Булдаков [1, с. 158–170]. Настоящая статья преследует цель дополнить уже проделанный в историографии анализ становления новых форм «советской» похоронной обрядности в 1920-е годы, в первую очередь выявить отношение большевиков к похоронам и смерти как к политическому акту.

«Красные похороны» большевистской элиты и культ почитания павших героев

Ритуалы «красных похорон» сложились задолго до революции 1917 года, тогда же революционеры хорошо осознали и научились использовать пропагандистский эффект такого рода мероприятий. Катрин Мерридадь пишет о том, что традиция «красных похорон» зародилась как результат похорон Н.А. Некрасова в декабре 1877 года и Н.В. Шелгунова в марте 1891 года [39, S. 119]. Как известно, оба траурных обряда вылились в политические демонстрации студентов и рабочих, причем во время похорон Шелгунова произошли столкновения с полицией, в результате которых ряд студентов был исключен из учебных заведений и выслан из Петербурга. Советская историография считала демонстрацию на похоронах Шелгунова первым социал-демократическим выступлением передовых рабочих России, подчеркивая, что в похоронах участвовала та же группа рабочих-марксистов под руководством М.И. Бруснева, которая спустя несколько недель организовала 5 мая 1891 года первую революционную маевку в России.

Еще одним примером мощного воздействия «красных похорон» на общество стало публичное погребение 20 октября 1905 года большевика Н.Э. Баумана, главного героя-мученика революции 1905 года Грандиозная похоронная процессия (около 300 тыс. человек) часами блокировала улицы Москвы. Очевидец событий, Александр Пастернак, на чьи воспоминания скорее всего опирался его брат, поэт Борис Пастернак, описывая в поэме «Девятьсот пятый год» траурный марш, сопровождавший Баумана в последний путь, оставил подробное описание похорон, заявив, что «никогда более не видел ничего, что могло бы быть подобным этому шествию» [19, с. 159].

С опорой на дореволюционную традицию «красных похорон» в годы революции и Гражданской войны в Советской России стал формироваться культ «павших героев», а их смерть и похороны более чем когда-либо стали политическим событием. 22 марта 1917 года на Марсовом поле в Петрограде при огромном стечении народа были торжественно погребены 180 «жертв Февраля», кровь которых должна была освятить новую демократическую Россию [39, S. 133, 134]. Джон Рид писал, воспроизводя витавший в атмосфере дискурс, о «мучениках Мартовской революции», «легших в свою холодную братскую могилу на Марсовом поле» [24, с. 99]. Впослед-

ствии на Марсовом поле хоронили погибших участников Октябрьской революции, Гражданской войны, видных партийных деятелей, в том числе В. Володарского и М.С. Урицкого, а 7 ноября 1919 года здесь был открыт знаменитый Памятник борцам революции. Кроме того, жертвы октябрьских боев в Петрограде были торжественно похоронены 19 ноября 1917 года в братской могиле в парке Лесного института.

По образцу похорон на Марсовом поле большевики организовали в октябре 1917 года торжественное погребение у Кремлевской стены 238 жертв десятидневных боев в Москве². Символический характер этих похорон был ясен уже современникам: Джон Рид воспроизвел свой разговор со студентом, одним из тех, кто рыл братские могилы на Красной площади: «Здесь, в этом священном месте, – сказал студент, – самом священном во всей России, похороним мы наших святых. Здесь, где находятся могилы царей, будет покоиться наш царь – народ...» [24, с. 176]. В этих похоронах снова участвовали тысячи людей, но на это раз, отмечает К. Мерридадь, это была церемония нового типа: организаторы раздавали входные билеты, присутствовали уполномоченные от других областей, пресса, а речи произносились прежде всего о социализме, международном пролетариате и задачах революции [39, S. 135, 136]. Джону Риду запомнились «...красные, как кровь, гробы. То были грубые ящики из нетесаных досок, покрытые красной краской, и их высоко держали на плечах простые люди с лицами, залитыми слезами» [24, с. 177]. Естественно, политический характер похорон исключал любую возможность примирения с врагами даже *postmortem*. Дж. Рид записал, как «красный градоначальник» Москвы М.И. Рогов возмущенно заявлял: «Меньшевики и эсеры ничему не выучишь! <...> Они соглашательствуют просто по привычке... Представьте себе, они предложили нам организовать похороны совместно с юнкерами!..» [24, с. 174].

Свой вклад в формирование культа мертвых героев внес Совнарком РСФСР, который 30 июля 1918 года утвердил «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР, представленный в Совет Народных Комиссаров Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению». Из длинного списка общественных деятелей, писателей, поэтов, художников и ученых, композиторов и артистов на роль революционных героев могли претендовать только политические деятели, приведенные в списке в таком порядке: «1. Спартак. 2. Тиберий Гракх. 3. Брут. 4. Бабеф. 5. Маркс. 6. Энгельс. 7. Бебель. 8. Лассаль. 9. Жорес. 10. Лафарг. 11. Вальян. 12. Марат. 13. Робеспьер. 14. Дантон. 15. Гарибальди. 16. Степан Разин. 17. Пестель. 18. Рылеев. 19. Герцен. 20. Бакунин. 21. Лавров. 22. Халтурин. 23. Плеханов. 24. Каляев. 25. Володарский. 26. Фурье. 27. Сен-Симон. 28. Роб. Оуэн. 29. Желябов. 30. Софья

² У Джона Рида речь идет о 500 гробах [24, с. 178].

Перовская. 31. Кибальчич» [12]. Часть этих фамилий была воспроизведена на первом советском памятнике, сооруженном в Александровском саду у Кремля в октябре 1918 года и посвященном «выдающимся мыслителям и деятелям борьбы за освобождение трудящихся». Что же касается памятников советским героям-мученикам, то, за исключением памятников Ленину, персонального монумента удостоился только Володарский.

В годы Гражданской войны среди большевиков зарождается, как отмечает С.Ю. Малышева, концепт «красивой», «осмысленной» смерти, являвшейся залогом политического бессмертия [16, с. 103–110]. Так, в опубликованной в Омске в 1920 году мемуарной книге «Три года борьбы...», составленной участниками революции и Гражданской войны, один из очерков назывался «Живые мертвецы». Его автором являлся известный большевик Б.З. Шумяцкий, председатель Совета министров ДВР, будущий глава советской кинематографии. Смысл такого странного названия заключался в подчеркивании бессмертия погибших красных героев [35]. У Андрея Платонова в романе «Чевенгур» фигурирует культ революционной мученицы Розы Люксембург. Возможно, речь шла о «зарисовке с натуры»: Платонов иронически писал жене о редакторе губернской газеты Сталеметнове, который в 1919 году сочинял ультрареволюционные лозунги вроде «...Вечные славные трупы с [кладбища] Пер-Лашез ожидают смертельной мести общему врагу за свою гибель» [5, с. 273].

При этом, как отмечает С.Ю. Малышева, большевики успешно использовали ими же дезавуированный культ павших героев Первой мировой войны, используя его в трансформированном виде для создания культа почитания «красных героев», «красных партизан» и «солдат революции», места погребения которых стали в 1920-е годы главным местом отправления советских ритуалов [38]. Среди наиболее известных памятников, сооруженных в 1920-е годы над братскими могилами, следует упомянуть памятник Героям революции (он же «братская могила 104-х») в Новониколаевске (1922), памятник 26 бакинским комиссарам в Баку (1923) и Музей-памятник погибшим при штурме укреплений белого Приморья под Волочаевкой (1928) [13].

Отметим, что далеко не все павшие красные воины могли претендовать на попадание в героический пантеон. Героями провозглашались только «классово близкие». Лица «чуждых классов», несмотря на подвиги, совершенные ими на службе советской власти, а также мученическую «красивую» смерть, как правило, оставались вне героического культа. В этом отношении показательны судьбы царских офицеров, перешедших на сторону красных. В 1919 году геройской смертью погиб А.П. Николаев (1860–1919), генерал-майор царской армии, командовавший бригадой в Красной армии. Он был взят в плен под Ямбургом частями С.Н. Булак-Балахови-

ча. Л.Д. Троцкий так описывал подвиг Николаева в некрологе, опубликованном в № 9 за 1920 г. журнала «Коммунистический интернационал»: «В числе замученных контрреволюционерами оказался и комбриг Николаев. Местные граждане сообщили товарищам, посетившим Ямбург, в том числе и тов. Зиновьеву, подробности о смерти Николаева, рисующие его подлинным героем. Бывший генерал царской армии не только не отрекся от своей связи с Красной армией, наоборот – бросил вызов палачам и умер с возгласом “Да здравствует власть рабочих и крестьян!”». Троцкий пророчествовал: «Имя Николаева при жизни его было скромным именем, известным только небольшому кругу лиц. Ныне это имя должно стать известным всей Красной армии, всей стране» [31].

Однако предсказанию Троцкого не суждено было сбыться. Не стал советским героем и «сибирский красный генерал» А.А. Таубе (1864–1919). Как и Николаев, генерал-лейтенант Таубе перешел на службу к красным, воевал против белых в качестве начальника штаба всех вооруженных сил Сибири. В сентябре 1918 года он попал в плен, был приговорен военно-полевым судом к смертной казни, умер от тифа в тюрьме. После захвата в плен Таубе категорически отказался от сотрудничества с режимом адмирала А.В. Колчака. Однако героизация Таубе началась в СССР только в 1970-е годы, после выхода в свет книги В.С. Познанского [21].

В соответствии с пуританской партийной моралью не заслуживали «красных похорон» коммунисты-самоубийцы. Пламенный некролог за подписью Л.Д. Троцкого в память о бывшем секретаре РВС М.С. Глазмане, покончившем жизнь самоубийством в сентябре 1924 года после исключения из партии, нарушает это правило³. Более традиционным было отношение чекистов – сотрудников отделения ДТЧК ст. Барабинск, которые в апреле 1921 года так отреагировали на самоубийство своего коллеги Быкова: «О похоронах трупа [так!] сотрудника Быкова <...> Вследствие того, что он застрелил себя сам из-за разлада семьи и принимая во внимание пережитые им жизненные неудачи <...> не считать его как жертву борьбы, а похоронить самым обыкновенным образом» [7, л. 25 об.].

Главными «красными похоронами» в период нэпа стали похороны В.И. Ленина. Часть общества отреагировала на смерть вождя истерическим образом. В Государственном архиве Российской Федерации сохранился доклад представителя трудового коллектива Чернораменских разработок гидроторфа Кудинова, который 31 января 1924 года поведал рабочим о своей поездке в Москву на похороны Ленина. В частности, Кудинов «обрисовал, в каких колоссальных размерах выразилась скорбь трудящихся нашей республики в потере своего вождя. Во время похорон дежурными врачами было зарегистрировано 3.196 истерических обмороков» [8, л. 136].

³ О суицидальности 1920-х годов см. подробнее: [1, с. 90–108].

Кудинову вторит известный чекист и автор знаменитых воспоминаний М.П. Шрейдер, присутствовавший в качестве сотрудника охраны 22 января 1924 года на утреннем заседании XI Всероссийского съезда Советов, которое состоялось в Большом театре. После того как взволнованный М.И. Калинин сообщил делегатам, употребив традиционную в народе формулу, что «Владимир Ильич Ленин приказал долго жить!», в зале, по словам Шрейдера, «началось что-то невообразимое»: «Плач, рыдания, стоны, истерические выкрики. Некоторые из присутствующих потеряли сознание, и им приходилось оказывать медицинскую помощь» [28, с. 219]. В один из дней сразу же после смерти вождя Шрейдер был свидетелем того, как «группа рабочих буквально разорвала в клочки и затоптала ногами человека, который высказал какое-то злорадное замечание по поводу смерти Ленина. Народный гнев словно пламенем сжег подлеца» [28, с. 220].

Нечто истерическое было также в тысячах писем советских граждан, адресованных комиссии по организации похорон Ленина, авторы которых требовали сохранить тело Ленина. По некоторым версиям, именно требования с мест сыграли главную роль в решении о сооружении долговременного склепа и мумификации тела⁴. Похоронам вождя и сооружению Мавзолея посвящена большая литература [1, 36, 40]. Здесь же подчеркнем лишь, что мумифицированное тело должно было парадоксальным образом послужить делу укрепления жизненности идей ленинизма.

Высшая форма преклонения перед мертвым героем – традиция посещения Мавзолея – была заложена делегатами XIII съезда РКП(б), который состоялся в Москве 23–31 мая 1924 года. Тема павших героев, уходящей «ленинской гвардии», буквально витала в атмосфере съезда. Сначала делегаты почтили память вождя болгарских коммунистов Димитра Благоева, умершего 7 мая 1924 года. Затем пространственным панегириком в память одного из старейших членов РКП(б), первого наркома РСФСР по делам промышленности и торговли, председателя Текстильного синдиката В.П. Ногина, скончавшегося накануне съезда, разразился А.И. Рыков [29, с. 10–12, 145]⁵. Без умолку звучало на съезде имя Ленина. Многие делегации прибыли на съезд с венками. Рабочий Бакиров, выступавший от имени уральской делегации, в своем приветственном слове съезду заявил о том, что делегаты были присланы в Москву «для того, чтобы положить на могилу нашего дорогого вождя, тов. Ленина, свою памятку, для того, чтобы на этой вели-

⁴ Показательно, что в начале 1924 года была еще возможна публичная дискуссия о сохранении тела Ленина. Против выступала не только Н.К. Крупская, 26 января 1924 года на эту же тему высказалась одна из московских газет (см. [18]).

⁵ В последний путь В.П. Ногина проводили все делегаты съезда, прощание с телом по установившейся традиции проводилось в Колонном зале Дома Союзов. В.П. Ногин был похоронен у Кремлевской стены. Похороны у Кремлевской стены были в 1920-е годы достаточно редким явлением: всего за 1921–1928 годы здесь было похоронено 25 человек.

кой могиле сказать свое последнее “прости”, а также здесь, перед прахом великого вождя и учителя, поклясться <...>» [29, с. 16]. Ему вторил представитель сибирских горняков Богачин: «... когда сообщили нам, что наш дорогой тов. Ильич окончил жизнь свою <...> мы собрались в теплушку, посоветовались: что же, нужно устроить памятник нашему вожаку Ильичу. Памятник строить – какой? <...> Решили сделать во что бы то ни стало венки, и чтобы он был представлен на XIII съезд, чтобы возложить XIII съездом тов. Ильичу на памятник» [29, с. 17, 18]. Венки были изготовлены из продукции копей – угля и кокса, сопровождать его поручили самому старейшему рабочему Анжеро-Судженских каменноугольных копей: «Так на мне и остановились: везти и сдать венки действительно к XIII съезду партии, чтобы положить на гроб» [29, с. 18].

Возможность возложить венки к Мавзолею была предоставлена делегатам съезда уже в первый же день его работы: вечернее заседание отменялось, делегатов пригласили посетить Мавзолей и принять парад юных пионеров. Делегаты заняли места по бокам и спереди Мавзолея, члены президиума съезда обошли ряды пионеров, поднялись на Мавзолей, и после произнесения приветственных речей Феликс Кон зачитал текст пионерской присяги. После этого пионеры в количестве около 10 тыс. человек промаршировали перед съездом, а делегаты посетили Мавзолей. Для широкого посещения Мавзолея был открыт 1 августа 1924 года.

Что же касается венков, то Комиссия по увековечиванию памяти вождя при ЦИК СССР даже приняла решение о публикации «альбома венков В.И. Ленину». Такой альбом действительно был издан тиражом 13 тыс. экземпляров, о чем свидетельствует записка председателя коммерческого агентства «Связь» при Народном комиссариате почт и телеграфа Державина, адресованная Сталину в июне 1925 года. В этой записке Державин просил Сталина поддержать акцию широкого распространения альбома венков, «принимая во внимание великое значение распространения [альбома] среди партийных и профессиональных организаций, а также среди органов власти на местах <...> способствуя тем самым внедрению памяти о В.И. Ленине в широкие массы рабочего и крестьянского населения» [26, л. 155]. К записке прилагался именной экземпляр альбома. К этому времени у Сталина также имелось пять снимков с посмертной маски Ленина, которые были отправлены ему 16 февраля 1924 года по поручению Л.Б. Каменева [26, л. 157]. Альбом венков был далеко не единственной попыткой увековечивания всего, что имело отношение к ленинским похоронам. Уже весной 1924 года при Институте Ленина, торжественно открытом в дни работы XIII съезда РКП(б), в вечерние часы демонстрировалась «фильма» похорон вождя.

Однако на пути формирования культа «героев-мучеников» серьезной преградой было нежелание части большевиков, особенно из числа «ле-

нинской гвардии», превращать павших героев в «красные иконы». Революционная аскеза боролась с тенденцией культа видных покойников. Так, в 1919 году авторитетный большевик М.С. Ольминский высказал в «Правде» недовольство пышностью похорон Я.М. Свердлова [1, с. 84]. Спустя пять лет Ольминский, возглавлявший к тому времени Общество старых большевиков, жестко отреагировал на сооружение мавзолея Ленина, потребовав, чтобы его собственный труп «был закопан (если нет в данной местности утилизационного завода) ... в одном белье в присутствии только могильщиков и милиции» [1, с. 84]. В конце 1924 года Общество старых большевиков во главе с председателем постановило, что оно «отказывается от соблюдения похоронных обрядностей для своих членов и призывает всю партию и сочувствующих беспартийных бороться с гнилыми предрассудками», сохранив демонстрационный характер похорон лишь для самых выдающихся деятелей вроде Ленина или Воровского [1, с. 84].

В этом же ключе старый большевик Д.Б. Рязанов категорически выступал на XIII съезде РКП(б) против попыток перенесения останков Карла Маркса в Москву и сооружения крупногабаритных монументов основоположникам марксизма: «За последнее время много говорят о перенесении праха Маркса в Москву. Я лично считаю, что эти тенденции – одна из форм, одно из проявлений того идейного “труположества”, над которым так резко смеялся Ленин в великолепнейшем письме к Горькому <...> 43-44 года лежит прах Маркса вместе с прахом его жены, его внука и старого друга. Трудно себе представить что-нибудь более нелепое, чем попытка перенести прах <...> Я полагаю, что и мы, и наша делегация должны оставить в покое эти остатки праха, не думая ни о каких больших памятниках <...>» [29, с. 561]. Как косвенный выпад против сооружения мавзолея можно также трактовать заявление Рязанова о том, что издание ранее неизвестных трудов классиков даст возможность «поставить под *идейный мавзолей* (курсив наш. – А. С., А. Т.) Маркса и Энгельса новую и не менее блестящую колонну, чем те, которые мы имеем до сих пор» [29, с. 564].

В результате культ «героев-жертв» развивался в молодой Советской России в достаточно жестких границах. Эти границы хорошо прослеживаются на примере политики коммеморации путем переименований (наименований) в честь вождей и павших героев. Переименования в их честь предпринимались главным образом на уровне улиц, учреждений, предприятий, учебных заведений, судов, железных дорог и т. п., но практически не затронули высший уровень – названий населенных пунктов. Как правило, центральные власти в лице Народного комиссариата внутренних дел РСФСР скептически относились к ходатайствам о переименовании городов, сел и деревень в честь павших героев. Совершенно очевидным мотивом здесь являлись экономические и логистические соображения, но революционный

эгалитаризм также нельзя сбрасывать со счетов. Административная комиссия при ВЦИК, отвечавшая за переименования, назвала 5 февраля 1923 года стремление «почтить в названиях населенных пунктов выдающихся вождей революции или же увековечить память местных работников, погибших за дело революции», одним из трех главных мотивов переименования, но, как правило, отклоняла соответствующие ходатайства [9, л. 1–4].

К 1924 году итоги переименований населенных пунктов в честь «героев-мучеников» были гораздо скромнее, чем могли бы быть: Романов-Борисоглебск получил в 1918 году новое название в честь красногвардейца И.П. Тутаева, погибшего в ходе Ярославского мятежа; Асхабад переименовали в 1919 году в честь казненного эсерами члена Президиума Туркестанского ЦИК П.Г. Полторацкого, а Ямбург был переименован в 1922 году в память расстрелянного эстонскими военными подпольщика В.Э. Кингисеппа. Относительно умеренными были также итоги «ленинских» переименований: Петроград был переименован в Ленинград, Симбирск – в Ульяновск, город и станция Александерполь Закавказской ж. д. – в город и ж. д. станцию Ленинакан. Фактически заморозив кампанию переименований в честь вождя, его преемники продемонстрировали трезвый расчет, проявив понимание того, что санкционирование массовых ходатайств с мест буквально превратит топонимический ландшафт страны в одну сплошную «лениншину», а также неизбежно приведет к девальвации ленинского имени [27].

«Советская» похоронная обрядность для масс в 1920-е годы

Одним из главных идеологических концептов большевиков был концепт создания человека нового типа. На XIII съезде РКП(б) Н.И. Бухарин с гордостью говорил о самом главном «приобретении» революционной власти – создании «нового типа людей с новыми отношениями, новыми навыками, новыми устремлениями, новой психологией и с новым идеологическим строем» [29, с. 541]. Закономерным образом новый человек не только по-новому жил, но и по-новому должен был расставаться с жизнью. «Нельзя к людям, любящим жизнь, землю и работу для жизни, подходить с обрядами, видящими в жизни только “болезнь и печаль и вздыхание”. Нужно хоронить их как-то по-иному, по-новому... Но как?» – таким вопросом задавался в 1920-е годы не только автор этих строк, известный русский писатель В.В. Вересаев [3, с. 4].

Похоронная обрядность – самая консервативная в любой культуре. В этом отношении для большевиков, которые стремились не только вытеснить из жизни традиционную религиозную обрядность, но и создать новую, сложились благоприятные обстоятельства. Дегуманизация жизни в условиях Первой мировой войны, революции и Гражданской войны воспитала в населении утилитарное отношение к трупам. Более того, символическое отношение к трупам политических противников нередко приво-

дило к массовому осквернению как самого праха, так и «вражеских» могил. Одним из самых известных примеров является глумление революционных солдат над трупом генерала А.Г. Корнилова. В свою очередь белые каратели порой вешали повстанцев вместе с овцами и собаками, приравнивая казненных к скотине. Таким же образом поступали сибирские крестьяне, ненавидевшие коммунистов за повальный террор продотрядов, разорение и голод. Например, осенью 1922 года в пос. Семёновка Крестовской волости Славгородского уезда Омской губернии крестьяне, убив партийца, «закопали его с трупом собаки, вложив в могилу записку “коммунист и собака – одно и то же”» [32, л. 199]. Крестьяне Бобрянской волости Омского уезда «не допускали» хоронить коммунистов на общем кладбище, «угрожая выкопать» [32, л. 110]. Левая эсерка Введенская, председатель Бердянской уездной ЧК весной 1919 года, писала в 1922 году: «Я много видела и расстрелов, и расстрелянных, и приговоренных к смертной казни и никогда не могла понять, как можно бить и толкать ногой уже остывший труп, безмолвный и безвредный, когда сама природа смертью кладет предел всему, даже дикой злой воле человека» [10, с. 268].

Свой весомый вклад в формирование утилитарного отношения к мертвому телу внесли эпидемии периода Гражданской войны. Например, в Новониколаевске, который зимой 1919–1920 годов вымирал от тифозной эпидемии, на улицах валялись тысячи трупов [22, с. 48]. 15 января 1920 года комендант ж. д. станции Новониколаевск Токарев сообщал властям: «На станции Кривошеково скопилось уже 1.500 трупов, а на станции Новониколаевск тоже стоят трупы вагонами» [33, с. 64]. Спустя месяц врач Новониколаевского эвакуационного пункта писал о том, что «мертвецкая переполнена и трупы валяются на площади и объедаются крысами» [33, с. 104]. Часовня на Красном проспекте, символ Новониколаевска, в конце февраля 1920 года была забита трупами, вокруг нее было навалено еще около 200 трупов. Как писал в своей жалобе заведующий прачечной, расположенной по соседству, около часовни «пройти совершенно невозможно, несмотря на мороз, от трупов распространяется запах, разносящий заразу, почему вновь прибывшие прачки отказываются работать» [33, с. 111].

Таким образом, сама революционная повседневность разрушала традиционные моральные нормы и традиции христианского погребения. Разрыв с религией и отвержение привычных нравственных мерил приводили к появлению ультрарадикальных идей, которые левая интеллигенция предлагала всем, кто был способен слышать «музыку Революции». Пожалуй, самой популярной стала идея крематория, который служил символом очистительного огня, способным сжечь «проклятое прошлое». Казимир Малевич восклицал 23 февраля 1919 года на страницах журнала «Искусство Коммуны»: «Сжегши мертвеца, получаем один грамм порошку, следовательно, на од-

ной аптечной полке может поместиться тысяча кладбищ. Мы можем сделать уступку консерваторам, предоставить сжечь все эпохи как мертвое и устроить одну аптеку. Цель будет одна, даже если будут рассматривать порошок Рубенса, всего его искусства... И наша современность должна иметь лозунг: «Все, что сделано нами, сделано для крематория»».

Идея кремации была относительно новой для российского обывателя. В 1892 году в Петербурге была опубликована брошюра инженера Б. Правдзика, призванная ознакомить российскую публику с европейским новшеством. Сторонник прогресса, автор тем не менее сразу же отмечал во введении к книге: «Понятно, что трупосжигание в применении к человеческим телам в настоящее время не может получить широкого распространения вообще, но применительно к анатомическим театрам, операционным в больницах и к случаям сильных эпидемий <...>, вполне уместно принять принудительные меры к скорейшему и наиболее полному уничтожению трупов <...> как наиболее гигиенический, скорый и верный способ полного разложения трупа на элементы вполне безвредные» [23, с. 1]. Именно эти цели инженер Правдзик считал «вполне уместными и возможными при современных культурных условиях нашего отечества» [23, с. 1].

Спустя четверть века после выхода в свет брошюры Правдзика крематории в России еще не получили широкого распространения, однако идея кремации оказалась чрезвычайно комплементарной идеологическим концептам большевиков. Свою роль здесь, без сомнения, сыграла практическая функция кремации, избавлявшая от необходимости рыть братские могилы, особенно зимой, для погребения жертв массовых эпидемий. Так, в Новониколаевске зимой–весной 1920 года под крематории были переделаны два завода по обжигу кирпича; 25 февраля 1920 года заработал первый импровизированный крематорий, который мог за день сжигать до 160 трупов [33, с. 113]. Однако наладить кремацию удалось не сразу, за последние дни февраля 1920 года в Новониколаевске было кремировано лишь 118 тел. Зато в марте 1920 года было сожжено уже 4992 трупа. Кроме Новониколаевска, трупы кремировались в Мариинске (около 5000), Барабинске (около 3500) и Каинске (около 3000) [33, с. 175]. Очевидно, что это был один из первых опытов массовой кремации в Советской России. Для сравнения: в Петроградском крематории, сооруженном в Петрограде в 1918–1920 годы на Васильевском острове в здании бывшей бани (главным образом для пропаганды идеи кремации), за 1920–1921 годы было сожжено 379 трупов, в том числе 241 – лица, умершие от заразных болезней. Такое небольшое количество объясняется неудачной конструкцией печи, которая требовала много топлива и чрезвычайно удорожала кремацию [25, с. 876].

Кроме чисто утилитарных соображений, крематорий пришлось большевикам ко двору тем, что кремация означала собой разрыв с обычаем

христианского погребения с его надеждой на воскрешение усопших. Первые советские крематории были созданы в столицах в целях пропаганды нового, нецерковного обряда прощания с умершими. В течение 1920-х годов велась агитация за распространение кремации. К.И. Чуковский в январе 1921 года ярко описал только что созданный по инициативе члена коллегии отдела управления Петровета Б.Г. Каплуна петроградский крематорий: «Горжественности ни малейшей. Всё голо и откровенно. Ни религия, ни поэзия, ни даже простая учтивость не скрашивает места сожжения. Революция отняла прежние обряды и декорумы и не дала своих. Все в шапках, курят, говорят о трупах, как о псах. <...> У меня всё время было чувство, что церемоний вообще никаких не осталось, всё начистоту, откровенно. Кому какое дело, как зовут ту ненужную падаль, которую сейчас сунут в печь. Сгорела бы поскорее – вот и всё. Но падаль, как назло, не горела. Печь была советская, инженеры были советские, покойники были советские – всё в разладе, кое-как, еле-еле» [34, с. 153, 154].

В первых советских крематориях были устроены демонстрационные окна, дававшие возможность публике наблюдать за процессом кремации, что срывало последний флер с таинства смерти. Чуковский писал: «Мы по очереди заглядывали в щелочку и с аппетитом говорили друг другу: “расколосся череп”, “загорелись легкие”, – вежливо уступая дамам первое место» [43, с. 154]. Демьян Бедный, который в числе немногих избранных был допущен присутствовать при сожжении тела Маяковского, потом рассказывал знакомым, что видел в глазок, как обуглилась голова поэта [2, с. 25].

Концепт кремации являл собой наиболее мягкую степень утилитарного отношения к трупам. В революционном воздухе также витали идеи переработки человеческих останков в целях их полной утилизации, которые ретранслировались наиболее чуткими интеллектуалами. Главный герой повести В.Я. Зазубрина «Щепка», председатель губчека Срубов, переживает за неэффективное зарывание трупов расстрелянных в землю: «В будущем “просвещенное” человеческое общество будет освобождаться от лишних или преступных членов с помощью газов, кислот, электричества, смертоносных бактерий. <...> Господа ученые с ученым видом совершенно бесстрастно будут погружать живых людей в огромные колбы, реторты и с помощью всевозможных соединений, реакций, перегонки начнут обрабатывать их в вакуум, в вазелин, в смазочное масло» [11, с. 48]⁶. Или у А. Платонова в «Ювенильном море» (1931) герой смотрит вслед любимой женщине и думает, «сколько гвоздей, свечек, меди и минералов можно химически получить» из ее тела: «Зачем строят крематории? – с грустью удивился инженер. – Нужно строить химзаводы для добычи из трупов цветметзолота, различных

⁶ В небрежно подготовленной к печати рукописи «Щепки» вместо «бесстрастно» фигурирует явная опечатка «бесстрашно».

стройматериалов и оборудования» [20, с. 599]. Такие мысли приходили в голову не только теоретикам, но и практикам. В 1933 году цензура Главлита заблокировала издание уже сверстанной Сельхозгизом книги, в которой предлагалось организовать, с целью ликвидации дефицита пищевых и гигиенических продуктов, «кладбищенские совхозы» для извлечения из человеческих трупов сахара, мыла, соли и т. п. [14, с. 293].

В 1920-е годы крематорий всё еще оставался экзотикой для советского городского ландшафта, в то время как вопрос выработки массовой похоронной советской обрядности стоял для большевиков довольно остро. С этой точки зрения показательны две брошюры, которые дают возможность судить об общественных умонастроениях. Первая (была опубликована в 1923 году) принадлежала Л.Д. Троцкому, вторая – известному русскому писателю В.В. Вересаеву (1926), что даже позволяет проследить некоторую динамику в развитии вопроса.

Троцкий в предисловии ко второму изданию книги четко определил именно политический характер обрядности в СССР: «Некоторые мудрецы пытаются <...> противопоставить культурно-бытовые задачи задачам революционным. Такой подход нельзя назвать иначе, как теоретической и политической пошлостью» [30, с. 3]. К внедрению новой обрядности Троцкий, как настоящий марксист, относился диалектически. С одной стороны, он считал, что «быт страшно консервативен», что «из пальца новый быт нельзя высосать». С другой стороны, старая обрядность, «лишенная как объективного содержания, так и государственного признания, – писал он, – держится лишь силой инерции». Троцкий признавал, что в сравнении с обрядами, сопровождавшими рождение и брак, «рационализировать» и «революционизировать» погребение гораздо труднее. «Хоронить в землю неотпетого так же непривычно, чудно и зорно, как и растить некрещеного», – отмечал он.

Троцкий различал новую похоронную обрядность большевистских элит и основной массы народа. «В тех случаях, когда похороны, в соответствии с личностью умершего, получают политическое значение, на сцену выступает новая театральная обрядность, пропитанная революционной символикой: красные знамена, революционный похоронный марш, прощальный ружейный залп» [30, с. 59]. При этом кремация, которую Троцкий расценивал как «могущественное орудие антицерковной и антирелигиозной пропаганды», считалась в 1923 году прерогативой «выдающихся работников революции», которые и в смерти должны были служить примером.

Что же касается основной массы, то Троцкий был скуп на рецепты. Согласившись, что «пора бы действительно перейти к сжиганию трупов», он полагал, что похороны в любом случае должны сопровождаться процессиями, речами, маршами и «салютной стрельбой», так как «потребность во

внешнем проявлении чувств могущественна и законна». В представлении Троцкого оркестр, исполняющий похоронный марш, конкурировал с церковным отпеванием. «И мы должны, конечно, сделать оркестр нашим союзником в борьбе против церковной обрядности, основанной на рабьей вере в иной мир, где воздадут сторицей за зло и подлости земного мира. Еще более могущественным нашим союзником будет кинематограф», – констатировал он [30, с. 59, 60].

Выводы Троцкого подкреплялись данными опроса московских массовиков-агитаторов. На вопрос о новых бытовых формах секретарь ячейки завода «Рускабель» Маринин заявил, что «обрядность заменена только в части похорон, которые организуются через профсоюзные органы и носят торжественный характер» [30, с. 128]. Ему вторил секретарь Рогожско-Симоновского РК РКП(б) Захаров: «Похороны рабочие стремятся сделать похожими на похороны заслуженных товарищей – с музыкой, знаменами и т. д. Но это пока единичные случаи» [30, с. 129]. Групповой организатор Баумановского района Осипов утверждал: «В сильных ячейках всегда хоронят с музыкой, а в большинстве случаев проходит совершенно незаметно». Член Московского комитета РКП(б) Кольцов видел трудности отказа от церковных похорон в позиции женщин: «Особенно скорбят отсталые женщины, если кто-либо умрет не отпетый или не крещеный». Член партийной ячейки фабрики «Парижская Коммуна» Иванов поддержал Троцкого, заявив, что рабочих хоронят, в отличие от коммунистов, по-старому из-за отсутствия новых торжественных церемоний и воспроизвел аргументацию рабочих: «Вот вы, коммунисты, хороните своих товарищей, у вас есть на этот случай похоронный марш, надгробные речи, вы указываете на его заслуги перед обществом и государством, а мы в таких случаях что делаем со своим покойничком? Так его как-то неловко без всяких церемоний отправить, вот тут и приходится обращаться к помощи попа». Троцкого поддержал в вопросе о музыке Маринин: «Мне кажется, что в первый период нам нужно будет приучать рядовую публику к тому, чтобы хоронить с музыкой» [30, с. 128].

Высказались опрошенные агитаторы-коммунисты и по вопросу кремации. Рабочий вагонных мастерских Октябрьской ж. д. Антонов предложил организовать сбор денег на крематорий, чтобы «сжигать трупы». Председатель отдела Московского губернского союза текстильщиков Марков был солидарен с Троцким в том, что начинать надо с вождей: «По-моему, лучше всего и прежде всего нужно завести такое место, где можно сжигать трупы. И начать тут просто с больших лиц. Помер человек, надо так и сказать, что сжечь его. <...> Вот, например, тов. Воровского хоронили, а если бы сжечь и потом повести кампанию, что вот, мол, был такой человек, и мы его сжигаем» [30, с. 132].

Особняком стоит рассказ заведующего агитотделом Орехово-Зуевского укома РКП(б) Гордеева, процитированный Троцким: «У директора [завода] заболела мать, и как раз в этот момент привезли икону боголюбской божьей матери <...> у директора умирает мать, и захотелось ей эту икону принять. Директор согласился, но после молебна он навязал на икону красный бант. На другой день мать умирает, нужно ее хоронить. Когда я спросил, как хоронили, то он ответил, что хоронил по гражданскому обряду, а сестры хоронили по церковному. Он организовал коммунистов, собрал хор, струнный оркестр, пригласил ЧОН⁷, справили панихиду, а потом спели Интернационал. На кладбище поп отслужил панихиду, бросил горсть земли, а потом выступал ЧОН» [30, с. 148]. Этот пример говорит о возникновении своеобразного «эффекта двоеверия», специфическом симбиозе «красных» и религиозных похоронных обрядов, который очевидно получил широкое распространение в 1920-е годы среди «простого» населения.

Спустя три года на тему советской обрядности, в том числе похоронной, высказался В.В. Вересаев. В качестве посылки писатель провокационно привел аргументацию большевиков-«утилитаристов»: «Для нас, в настоящее время, живой человек есть лишь известная комбинация физиологических, химических и физических процессов. Умер человек – данная комбинация распадается, и человек, как таковой, исчезает, превращается в ничто. Остается туша гниющего мяса. Какое к ней может быть разумное отношение? Такое же, как при жизни человека – к его отбросам. <...> Мы же кладем это разлагающееся тело в ящик определенной формы, обтянутый красной материей, ставим у ящика почетный караул, сменяющийся через каждые десять минут (подумаешь, – нашла, что караулить!); для вящего почета несем до могилы, крихтя и обливаясь потом, тяжелый ящик на плечах, а сзади едут пустые дроги. Играет музыка. Для чего всё это? Какой в этом смысл?» [3, с. 6, 7].

Из дальнейшего изложения следует, что, отрекаясь от религиозной стороны, Вересаев тем не менее видел глубокий смысл в обрядности как таковой. Как и Троцкий с его похоронным оркестром и «салютной стрельбой», он считал совершенно необходимым иметь обряд, который давал бы возможность советскому человеку в полной мере выразить свою «необоримую потребность», выразить чувства, владеющие им в ключевые моменты жизни. Основную часть брошюры составила критика современных похоронных обрядов, которые, по словам Вересаева, «поражают, убивают душу своей убогостью и бездарностью». В качестве примера Вересаев сравнил похороны старой партийной работницы, прощание с которой проходило в Красном зале Московского комитета ВКП(б) на Большой Дмитровке, и похороны рядовых граждан. В первом случае за счет почетного караула, музы-

⁷ ЧОН – части особого назначения, военно-партийные отряды в 1919–1925 гг. Очевидно, в данном случае бойцы ЧОН были приглашены на похороны для ружейного салюта.

ки и многочисленной похоронной процессии участие в похоронах не было тотально утомительным и скучным, хотя речи над гробом, «обычное похоронное хвалебное пустословие», и разогнали людскую толпу [3, с. 10].

Зато похороны «самых рядовых, простых граждан», являвшиеся бледной копией «красных похорон», демонстрировали, по словам Вересаева, всё убожество, серость и трезвость обряда. Ситуацию не мог спасти ни «плохенький полулюбительский оркестр», ни речи над гробом. «А бесцерковные похороны в деревне – совсем так же: взяли, отвезли, закопали; разве вот еще только от местной ячейки скажет убогую какую-нибудь речь местный оратор» [3, с. 12]. Выход из ситуации Вересаев видел в формировании нового унифицированного ритуала, на порядок превосходящего «театральную обрядность» а-ля Троцкий, где «величавые гимны» были бы соединены с «волнующей музыкой», ритуала «такого же для всех общего, как клич “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”» [3, с. 30]. Своим потенциальным критикам Вересаев превентивно возражал, что если предлагаемый им похоронный обряд – «комедия», то «почему же не комедия все эти почетные караулы, музыка над гробом, торжественные процессии, траурные гудки, преклонение знамен?» [3, с. 18].

Показательно, что Вересаев ни словом не обмолвился в брошюре на модную тему кремации. Такое игнорирование можно объяснить только тем, что рассуждения на эту тему по-прежнему носили в 1926 году чисто теоретический характер. В 1925 году на Первом Всесоюзном водопроводном и санитарно-техническом съезде в г. Баку упоминалось, что в СССР «кремация, как и всюду, факультативна. <...> В настоящее время этот вопрос о кремации поднят в Ленинградском Губисполкоме» [15]. Спустя год ситуация не изменилась: журнал «Вестник знания» информировал своих читателей о том, что «в Ленинграде и Москве решено приступить к постройке крематориев, т. е. специально оборудованных зданий для сжигания трупов умерших» [25, с. 876]. 27 июля 1927 года газета «Пионерская правда» сообщила, что не позже августа 1927 года в Москве в помещении Ново-Донского монастыря будет открыт первый в СССР крематорий, и проводила среди юных читателей «ликбез» в отношении полезности «огненного погребения»⁸. Поэтому герои «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова всё еще могли с улыбкой воспринимать перспективу попасть «в наш советский колумбарий» как чисто гипотетическую.

Заключение

Анализ складывания ритуала так называемых «красных похорон» в 1920-е годы наглядно демонстрирует несомненный политический характер похоронной обрядности в молодой Советской России. Первоначаль-

⁸ Московский крематорий был открыт в октябре 1927 г.

но советские похоронные ритуалы формировались под мощным воздействием тотального нигилистического отрицания религиозного мировоззрения и радикального утилитаризма, усиленного эксцессами мировой войны, революции и Гражданской войны. Тем не менее нигилизм и утилитаризм, высшим выражением которых являлась идея кремации, достаточно быстро были потеснены со своих позиций новым похоронным ритуалом, ключевыми элементами которого стали демонстрационность и «театральная обрядность» с ее музыкой, шествиями, пафосными речами и салютной стрельбой, во многом заимствованными у воинских похорон. Главную роль в складывании ритуала «красных похорон» сыграл культ «павших героев», в свою очередь, являвшийся залогом политического бессмертия большевистских деятелей. В результате «красные похороны» превратились в составную часть альтернативной большевистской культуры. Тезис В.П. Булдакова, который охарактеризовал революционную похоронную обрядность как «неоязыческую», как минимум является спорным. Попытка сделать похороны большевистских элит образцом для массовых похорон столкнулась с консервативной обрядностью, особенно в деревне. Применительно к 1920-м годам можно в лучшем случае говорить о возникновении своеобразного «эффекта двоеверия», специфического симбиоза «красных» и религиозных похоронных обрядов. Таким образом, в 1920-е годы процесс становления новой советской обрядности был далек от своего завершения, в том числе в среде советских партийно-государственных элит, о чем свидетельствуют колебания между партийной аскезой с ее утилитарным отношением к праху и пышными похоронами «вождей».

Литература

1. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 759 с.
2. Быков Д. Маяковский: трагедия-буфф в шести действиях. – М.: Молодая гвардия, 2016. – 720 с.
3. Вересаев В.В. Об обрядах новых и старых (к художественному оформлению быта). – М.: Новая Москва, 1926. – 31 с.
4. Винклер Г.А. Веймар, 1918–1933: история первой немецкой демократии. – М.: РОССПЭН, 2013. – 878 с.
5. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. – Paris: Ymca-Press, 1982. – 404 с.
6. Герц Р. Смерть и правая рука. – М.: ARS Press, 2019. – 264 с.
7. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). – Ф. П-29. – Оп. 1. – Д. 1032.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 3316. – Оп. 17. – Д. 10.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5677. – Оп. 1. – Д. 21.
10. *Ермоленко Т.Ф., Морозова О.М.* Погоны и буденовки: Гражданская война глазами белых офицеров и красноармейцев. – М.: РГНФ, 2013. – 356 с.
11. *Зазубрин В.Я.* Бледная правда: художественная проза, публицистика. – М.: Русская книга, 1992. – 448 с.
12. Известия ВЦИК. – 1918. – 2 августа (№ 163).
13. Историко-революционные памятники СССР: краткий справочник. – М.: Политиздат, 1972. – 304 с.
14. История советской политической цензуры: документы и комментарии. – М.: РОССПЭН, 1997. – 672 с.
15. *Лазарев В.А., Бурче Ф.Я.* Современное положение вопроса о кремации // Труды Первого Всесоюзного водопрводного и санитарно-технического съезда в г. Баку, 1925 г. – М., 1925. – Вып. 2. – С. 145–149.
16. *Мальшиева С.Ю.* «Хорошая смерть» в некрологическом дискурсе первых советских десятилетий // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований / под ред. Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 103–110.
17. *Мальшиева С.Ю.* «На миру красна»: инструментализация смерти в Советской России. – М.: Новый хронограф, 2019. – 464 с.
18. Можно ли сжечь тело Ленина? // Рабочая Москва. – 1924. – 26 января (№ 21).
19. *Пастернак А.А.* Воспоминания. – München: Wilhelm Fink Verlag, 1983. – 301 с.
20. *Платонов А.П.* Чевенгур: роман и повести. – М.: Советский писатель, 1989. – 655 с.
21. *Познанский В.С.* Сибирский красный генерал: А.А. Таубе. – 2-е изд., перераб. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 191 с.
22. *Познанский В.С.* Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е годы XX в. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 307 с.
23. *Правдзик Б.* Кремация: краткий обзор исторических фазисов ее распространения и подробное описание приборов, применяемых в настоящее время: из отчета по поездке за границу с ученой целью. – СПб.: Типо-лит. фототип. В.И. Штейна, 1892. – 45 с.
24. *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. – М.: Госполитиздат, 1957. – 352 с.
25. *Розеншильд-Паулин В.* Кремация – сожжение трупов // Вестник знания. – 1926. – № 13. – С. 876–878.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 588. – Оп. 1. – Д. 5754.
27. *Савин А.И.* «Село Душегубово переименовать в село Солнцево». Советские переименования как способ коадаптации власти и общества (1918–1930-е го-

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228

"RED FUNERAL". NEW FUNERAL RITES IN EARLY SOVIET RUSSIA

Savin Andrey,

Cand. of Sc. (History),

Senior Researcher,

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0242-5067

a_savin_2004@mail.ru

Teplyakov Alexey,

Cand. of Sc. (History),

Senior Researcher,

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-2830-7939

teplyakov-alexey@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the emergence of the so-called *red funeral* ritual in the 1920s in Soviet Russia as an important component of political everyday life. The first part of the article examines the funeral rituals of representatives of the Bolshevik elite. The second part attempts to characterize the transformation of funeral rites among the "common" population. The analysis undertaken clearly shows the undoubted political and public nature of funeral rituals in early Soviet Russia. Initially, Soviet funeral rituals were powerfully influenced by radical utilitarianism and total nihilistic denial of the religious worldview, intensified by the excesses of the World War, Revolution and Civil War. Nevertheless, nihilism and utilitarianism, the highest expression of which was the idea of cremation, were quickly pushed out by a new funeral ritual, the key elements of which were demonstration and "theatrical ritual" with its music, processions, pretentious speeches and fireworks, in many respects borrowed from military funerals. The main role in the emergence of the *red funeral* ritual was played by the cult of *fallen heroes*, which in turn was a guarantee of political immortality of the Bolshevik leaders. As a result, the *red funeral* became an important element of the alternative Bolshevik culture. The concept of Vladimir Buldakov, who characterized revolutionary funeral rituals as "neo-pagan", is at least controversial. The attempt to make funerals of the Bolshevik elites a model for mass funerals collided with conservative rituals, especially in the countryside. With regard to the 1920s, at best, we can talk about the emergence of a kind of "the effect of dual faith", a specific symbiosis of *red* and religious funeral rites. Thus, in the 1920s, the process of a new Soviet ritualism development was far from complete, including the Soviet party and state elites, as evidenced by the fluctuations between party asceticism with its utilitarian attitude to ashes and splendid funerals of leaders.

Keywords: death, red funeral, cult of fallen heroes, Soviet Russia, 1920s, new rituals, cremation.

Bibliographic description for citation:

Savin A., Teplyakov A. "Red Funeral". New Funeral Rites in Early Soviet Russia. *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 3, pt. 1, pp. 205–228. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.3.1-205-228.

References

1. Buldakov V.P. *Utopiya, agressiya, vlast': psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni, Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary times. Russia. 1920–1930 years]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 759 p.
2. Bykov D. *Mayakovskii: tragediya-buff v shesti deistviyakh* [Mayakovskii: Tragedy-buff in six acts]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. 720 p.
3. Veresaev V.V. *Ob obryadakh novykh i starykh (k khudozhestvennomu oformleniyu byta)* [On the rituals of new and old (to the decoration of everyday life)]. Moscow, Novaya Moskva Publ., 1926. 31 p.
4. Winkler H.A. *Weimar, 1918–1933: die Geschichte der ersten deutschen Demokratie* [History of the first German democracy, 1918–1933]. München, Beck, 1993 (Russ. ed.: Vinkler G.A. *Veimar, 1918–1933: istoriya pervoi nemetskoj demokratii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 878 p.).
5. Geller M. *Andrei Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrei Platonov in search of happiness]. Paris, Ymca-Press, 1982. 404 p. (In Russian).
6. Hertz R. *Smert' i pravaya ruka* [Death and the Right Hand]. Moscow, ARS Press, 2019. 264 p. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [State Archive of the Novosibirsk Region]. F. P-29. Inv. 1. Doc. 1032.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 3316. Inv. 17. Doc. 10.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation]. F. 5677. Inv. 1. Doc. 21.
10. Ermolenko T.F., Morozova O.M. *Pogony i budenovki: Grazhdanskaya voina glazami belykh ofitserov i krasnoarmitsev* [Shoulder straps and budenovka: The Civil War through the eyes of white officers and Red Army soldiers]. Moscow, RGNF Publ., 2013. 356 p.
11. Zazubrin V.Ya. *Blednaya pravda: khudozhestvennaya proza, publiitsistika* [The Pale Truth: Fiction, Journalism]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1992. 448 p.
12. *Izvestiya VTsIK = News of the All-Russian Central Executive Committee*, 1918, 2 August (no. 163).
13. *Istoriko-revolutsionnye pamyatniki SSSR: kratkii spravochnik* [Historical and revolutionary monuments of the USSR. A brief reference]. Moscow, Politizdat Publ., 1972. 304 p.
14. *Istoriya sovetsoj politicheskoi tsenzury: dokumenty i kommentarii* [History of Soviet political censorship. Documents and comments]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 672 p.
15. Lazarev V.A., Burche F.Ya. [The current state of the issue of cremation]. *Trudy Pervogo Vsesoyuznogo vodoprovodnogo i sanitarno-tekhnicheskogo s'ezda v g. Baku, 1925 g.* [Pro-

ceedings of the First All-Union plumbing and sanitary-technical congress in Baku, 1925 g.]. Moscow, 1925, iss. 2, pp. 145–149. (In Russian).

16. Malysheva S.Yu. “Khoroshaya smert’” v nekrologicheskom diskurse pervykh sovetskikh desyatiletii [“Good Death” in the obituary discourse of the first Soviet decades]. *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial’nykh preobrazovaniy* [The era of socialist reconstruction: ideas, myths and programs of social transformations]. Ekaterinburg, Ural’skii universitet Publ., 2017, pp. 103–110.

17. Malysheva S.Yu. “Na miru krasna”: instrumentalizatsiya smerti v Sovetskoj Rossii [“Misery loves company”: Instrumentalization of Death in Soviet Russia]. Moscow, Novyi khronograf Publ., 2019. 464 p.

18. Mozhno li szhech’ telo Lenina? [Is it possible to burn Lenin’s body?]. *Rabochaya Moskva = Working Moscow*, 1924, 26 January (no. 21).

19. Pasternak A.L. *Vospominaniya* [Memories]. München, Wilhelm Fink Verlag, 1983. 301 p.

20. Platonov A.P. *Chevengur* [Chevengur]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1989. 655 p.

21. Poznanskii V.S. *Sibirskii krasnyi general: A.A. Taube* [Siberian red general. A.A. Taube]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1978. 191 p.

22. Poznanskii V.S. *Sotsial’nye kataklizmy v Sibiri: golod i epidemii v 20–30-e gody XX v.* [Social cataclysms in Siberia: famine and epidemics in the 20s – 30s of the 20th century]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2007. 307 p.

23. Pravdzik B. *Krematsiya: kratkii obzor istoricheskikh fazisov ee rasprostraneniya i podrobnoe opisanie priborov, primenyaemykh v nastoyashchee vremya: iz otkheta po poezdke zagranitsu s uchbenoi tsel’yu* [Cremation. A brief overview of the historical phases of its distribution and a detailed description of the devices currently in use. From a report on a trip abroad with a academic purpose]. St. Petersburg, V.I. Shtein Publ., 1892. 45 p.

24. Reed D. *Desyat’ dnei, kotorye potryasli mir* [Ten days that shook the world]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. 352 p. (In Russian).

25. Rozenshil’d-Paulin V. Krematsiya – sozhzhenie trupov [Cremation – burning of corpses]. *Vestnik znaniya = Bulletin of knowledge*, 1926, no. 13, pp. 876–878.

26. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial’no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 588. Inv. 1. D. 5754.

27. Savin A.I. “Selo Dushegubovo pereimenovat’ v selo Solntsevo”. Sovetskie pereimenovaniya kak sposob koadaptatsii vlasti i obshchestva (1918–1930-e gody) [“Rename the village of Dushegubovo to the village of Solntsevo”. Soviet renaming as a way of co-adaptation of power and society (1918 – 1930s)]. *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoi treti XX veka* [Political adaptation of the population of Siberia in the first third of the XX century]. Novosibirsk, Parallel’ Publ., 2015, pp. 183–238.

28. Teflyakov A.G. “Zhizn’ chekista-operativnika”: vospominaniya M.P. Shreidera (ch. 3) [“Life of a Chekist-operative”: memoirs of M.P. Schrader (pt. 3)]. *Istoricheskii kur’er = Historical Courier*, 2020, no. 1 (9), pp. 179–229.

29. *Trinadtsatyi s’ezd Rossiiskoi kommunisticheskoi partii (bol’shevikov). Stenograficheskii otchet, 23–31 maya 1924 g.* [Thirteenth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks). Stenographic Report, 23–31 May 1924].

sheviks). Verbatim record. May 23–31, 1924]. Moscow, Krasnaya nov' Publ., 1924. 765 p.

30. Trotskii L. *Voprosy byta. Epokha "kul'turnichestva" i ee zadachi* [Questions of everyday life. The era of "culture" and its tasks]. 2nd ed. Moscow, Krasnaya nov' Publ., 1923. 162 p.

31. Trotskii L.D. *Pered istoricheskim rubezhom. Istoricheskie siluety* [Before the historical border. Historical silhouettes]. Moscow, Leningrad, 1926. Available at: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm155.htm> (accessed 26.08.2021).

32. *Tsentral'nyi arkhiv FSB (TsA FSB)* [Central archive of the FSB]. F. 1. Inv. 6. D. 626.

33. *CHEKATIF: Tomskaya (Novonikolaevskaya) gubernskaya chrezvychainaya komissiya po bor'be s tifom (dekabr' 1919 g. – april' 1920 g.)* [CHEKATIF: Tomsk (Novonikolaevsk) provincial extraordinary commission for combating typhus (December 1919 – April 1920)]. Novosibirsk, 2021. 200 p.

34. Chukovskii K.I. *Dnevnik, 1901–1929* [Diary, 1901–1929]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991. 544 p.

35. Shumyatskii B. Zhivye mertvetsy (O Veinbaume, Lytkine, Dubrovinskom i dr.) [The Living Dead (About Weinbaum, Lytkin, Dubrovinsky, etc.)]. *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata* [Three years of struggle for the dictatorship of the proletariat]. Omsk, 1920, pp. 166–173.

36. Ennker B. *Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion*. Köln, Weimar, Wien, Boehlau, 1997. 328 p.

37. Malyševa S. Der rote Thanatos: Nekrosymbolismus in der sowjetischen Kultur. *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung*. Berlin, Metropol, 2015, pp. 181–198.

38. Malyševa S. Helden oder Blutopfer: Der Umgang der Zeitgenossen mit den Gefallenen des Ersten Weltkriegs in Russland. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, 2015, Bd. 63, H. 4, pp. 599–618.

39. Merridale C. *Steinerne Nächte. Leiden und Sterben in Russland*. München, 2001. 550 p.

40. Tumarkin N. *Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*. Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 1997. 315 p.

The article was received on 09.05.2021.

The article was reviewed on 28.06.2021.